

6+

Катерина Швецова

Песни Птицы Гамаюн

Часть первая

Катерина Швецова
Песни Птицы Гамаюн

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Швецова К.

Песни Птицы Гамаюн / К. Швецова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Действие повествования разворачивается в двух изменениях – в нашем мире, в наши дни и в волшебной сказке на территории сна главного героя. Его имя Данька, он обычный двенадцатилетний мальчишка, которому посчастливилось погостить в совершенно другом мире и познакомиться с его невероятными обитателями – Птицей Гамаюн, ведуном Добрословом, Йогиней, Зарянкой и другими. Но главное, что помимо невероятных приключений и получения новых знаний, Данька знакомится с юной волшебницей Ясной, ученицей Доброслова, которая в итоге становится его лучшим другом, с которым так тяжело расстаться. Однако, в класс, где учится Данька переводят девочку, в которой наш герой узнает Ясну... В основе идеи книги – доброта, любовь к людям и всему живому и еще в том, что в каждом из нас есть искорка волшебства и каждый из нас самый настоящий Маг, стоит только поверить!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катерина Швецова

Песни Птицы Гамаюн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В этот вечер Данька никак не хотел засыпать, несмотря на хмурую, почти осеннюю погоду, ритмичные удары холодных капель дождя в окно его спальни. Как правило, в такую погоду засыпать очень уютно и легко. Внизу неспешно переговаривались Данькины родители, пахло пирожками, звякала доставаемая из шкафчиков праздничная посуда – завтра приезжают гости, и дом наполнился радостным ожиданием.

Однако Данька грустил. И причины не мог найти, как ни старался. Это была какая-то острая, серая тоска – под стать тяжелым облакам, проплывавшим над тенистым лесом, тремя идеально круглыми озерами, россыпью костяники, над Данькиным домом, да и, кажется, над всем миром. Он мысленно окрестил это состояние Серым Гугой, представив его туманным существом, готовым плакать целую ночь и стонать ветром, гуляя по лесу, и, клубясь, заглядывать в окна домов. Так продолжалось уже несколько дней – отделаться от этого несносного Гуги никак не удавалось. Данька тяжело и порывисто вздохнул.

В его небольшой комнате было уютно, рядом с кроватью светила мягким светом лампа в виде деревянной избушки, рядом резная – из можжевельника – тарелочка, наполненная янтарным медом, который источал тонкий сладкий аромат, и лежали несколько веточек сухой мяты, случайно прихваченной из бани. Тут же на низком столике стоял пузатый механический будильник с металлическими колокольчиками, который Данька особенно любил за его громкое тиканье и ни за что бы не променял на какой-нибудь электронный.

Он натянул до подбородка теплое стеганое одеяло и стал разглядывать причудливый узор на занавесках. Если долго смотреть на них не моргая, то на их ажурной поверхности можно разглядеть фантастические ландшафты, необычных зверей и птиц, лица людей. Данька часто проделывал этот фокус в дождливую погоду.

Постепенно он стал погружаться в сон, мысли стали медленными и тягучими, как малиновый кисель. Длинные Данькины ресницы опустились, отгородив его от Серого Гуги, который задавал тоскливое настроение и вызывал в душе такое неприятное чувство.

Пахло крапивой. Ее острый пряный аромат настойчиво лез в нос.

«Кра... Крррааа... К-рррапи-ва. Какое странное слово, похожее одновременно на рапиру и радугу, а еще интригующее, манящее».

Данька огляделся – вокруг стояли вековые сосны, сквозь высоченные кроны которых золотыми и красными нитями пробивались лучи вечернего солнца, под ногами расстился зеленый ковер сочной травы с вкраплениями белых маргариток с желтыми сердцевинками, где-то вдалеке мерно куковала кукушка.

Данька пошевелил пальцами рук и ног и удивился собственным ощущениям – он понял, что находится во сне – невозможно в мгновение ока из своей комнаты перенестись на опушку незнакомого леса, но все его действия определенно осознанные. «Надо идти, – подумал Данька и попробовал сделать шаг. Он немало удивился, поняв, что во сне управляет своим телом так же ловко, как и наяву, и мыслит четко. – Но куда? А главное – зачем?».

Следующим его открытием стало полное отсутствие страха. Он решительно ничего не боялся в этом неведомом месте: ни дикого зверя, ни гнева родителей по случаю его внезапного исчезновения, ни того, что наступит ночь и дружелюбное солнечное место наполнится пугающими тенями и звуками. Не было и Серого Гуги с его дождливыми чарами.

Данька зашагал. Сначала осторожно, стараясь не задевать босыми ногами корни деревьев, шишки и веточки, а потом все быстрее и быстрее, пока не оторвался от земли и поплыл в воздухе. Да что там – полетел! Это было невероятно! Данька осмелел настолько, что решил

проверить догадку и попытался подняться немного выше. Получилось. А теперь еще и еще! И вот он уже парил над верхушками огромных сосен, над зеленым ароматным морем.

И в этот момент он увидел кое-что интересное: три озера среди сосновых макушек. Ошибки быть не могло – точно такие были в лесу неподалеку от Данькиного дома. В хорошую погоду они ходили туда все вместе с мамой, папой и маленькой сестренкой Любовью, купались в прозрачной воде, иногда рыбачили и собирали чернику, костянику и землянику. Землянику Данька особенно любил, ее так здорово было собирать и по одной штуке нанизывать на травинку, а набрав целую цепочку спелых ягод одним махом отправить в рот. Вот это «ожерелье» было несказанно вкуснее целой банки земляничного варенья или большого лоточка земляники с рынка.

Данька подумал, что вскоре должен увидеть свой дом с высоты птичьего полета. Однако его нигде не было. Вокруг трех озер, насколько можно было охватить взглядом, простирался дремучий лес. Мальчик начал быстро подниматься в небо и вскоре увидел окраину леса и, кажется, какие-то дома, и полетел в ту сторону. Потом решил спуститься на землю и дальше идти пешком.

Шел он довольно долго, стало смеркаться. Данька слышал приглушенные голоса и какие-то непонятные ни на что не похожие странные ритмичные звуки. Выйдя из леса, увидел вдалеке окраину деревни, и решил пойти на звуки, доносившиеся, как ему казалось, из ее центра.

Ограждений вокруг домов не было, деревня утопала в садах, зеленела огородами и слегка поскрипывала детскими качелями. Дома тут отличались от тех, что он привык видеть – они были похожи на деревянные дворцы, красовались затейливой резьбой на крышах и наличниках, яркими орнаментами на опорах крылечек – их непременно было два, как и балкончиков, которые венчали остроконечные крыши. Над дверями висели рога каких-то крупных животных.

«Возможно, каждый балкон и крыльцо выходят на одну из сторон света», – предположил Данька, потому что абсолютно все дома в загадочном селении были похожи, а оба выхода и балкончики у них располагались одинаково.

Улицы были пусты. «А где же все? Звуки и голоса доносятся откуда-то из глубины. Может быть, там какая-то площадь и идет представление? И что там может быть?» – задавал он себе все новые вопросы.

Звуки приближались, Данька понял, что это удары в барабан, едва различимое пение и гул голосов. Когда он, наконец, вышел на большую поляну, то увидел множество людей, стоявших в огромном кругу. Явно происходило какое-то действо.

Народ собрался самый разный. Были тут и старики с седыми длинными волосами, подвязанными на лбу тонкими ленточками или косичками из бересты, были женщины и мужчины в простых красивых одеждах, дети – их было очень много.

Вначале Даньке показалось, что он был прав и это театральное представление или праздник, но, взглядевшись в лица людей – тревожные и печальные, понял, что они собрались тут не ради веселья.

Стараясь не обращать на себя внимания, он присоединился к детям, которые сидели на высокой груде бревен в небольшом отдалении от круга. Такое зрительское место вполне позволяло все отлично слышать и видеть в мельчайших подробностях.

Данька порадовался, что в своем сне он был босым, а его светлые волосы не были коротко подстрижены, а рассыпались локонами по щекам и лбу – и этим он ничем не отличался от местной детворы. Одет он был в белую льняную пижаму, в которой, собственно, и заснул у себя дома. Совсем некстати в памяти всплыла тоска и тревога, навеянная Серым Гугой. Эта напасть опять неведомо как закралась ему в душу, и Данька вдруг понял, что у собравшихся

здесь точно такое же настроение, оно витало в воздухе и было почти осязаемо – серое, тягучее и гнетущее, как свинцовая грозовая туча.

– Так, это, в конце концов, мой сон, и я не хочу думать о тебе, Гуга! – проворчал он про себя и твердо решил просто наблюдать за происходящим так долго, сколько позволит его будильник, заведенный на семь утра.

Вдоль стоявших кругом людей ходили нарядно одетые мужчина и женщина: он бил в огромный бубен, звук которого был долгим, гудящим и вызывал трепет, а она грациозно следовала за ним и несла на вышитой причудливыми узорами белоснежной материи румяный каравай, давая любому желающему прикоснуться к сладости. Совершив полный круг, они прошли в его центр и встали по обе стороны высоких деревянных столбов в виде человеческих образов и большого костра. Воцарилась тишина, и к ним вышел старец в длинных белых одеждах и с фигурным посохом. Он что-то крепко сжимал в руке, но что именно – было непонятно. Старик простер руки к небу и заговорил:

– Как повелось издревле на нашей Земле-Матушке, только закручинятся-запечалятся люди, так соберут совет да обратятся к четырем сторонам-дорогам, морю-океану, ветру-буяну, ясну солнышку, огню живому. Встанут вместе в круг бережный, призовут покровителей небесных. Слава силам нашим светлым!

– Слава! – отозвались люди хором.

Старик продолжал:

– Да восславят род! Слава роду!

– Слава! – раздалось дружно.

– Да помянут предков. Слава пращурам нашим!

– Слава!

Под единодушный гром голосов старец разжал ладонь и высыпал в пламя горсть зерна.

– Жертвуем пищу сию во славу Земли-Матушки. Слава Земле нашей родной!

– Слава! Слава! Слава!

Рукой старец показал людям, что можно сесть, как кому удобно, и продолжал проникновенно:

– Явится на призыв воплощение мудрости – волшебная птица Гамаюн, откроет сынам и дочерям земли славной тайны бытия в мире и здравии и да всепоможет советом в минуту лихую, черную...

Данька сидел совершенно зачарованный происходящим. Стоял чудесный летний вечер. Небо потемнело, приобретя глубокий васильковый оттенок, воздух наполнился ароматами луговых цветов, реки и дыма. Старец продолжал, обращаясь теперь к небу:

– ...О, приди, явись, мудрость веков, дочь четырех берегов! Взывают к богам родным внуки их славные! Помоги в час недобрый, уйми печали, заговори сердца горящие! Высуши слезы! Приди же к нам! ЯВИ себя!

Помощник жреца – а старик был именно жрецом, в чем Данька уже не сомневался – продолжил ритмичную игру на бубне, извлекая тугой, глубокий, завораживающий звук. Распущенные длинные волосы ведуна и его помощника развевались, словно они неслись на резвых скакунах, глаза горели, ритм все нарастал и готов был уже сорваться в бешеный темп, когда над поляной завис небольшой вихрь. Прозвучал последний мощный удар, и все разом стихло, даже воздух замер.

Одновременно с последним ударом бубна взметнулся от костра в небо сноп искр. И в этой благоговейной тишине вместе с ними, светясь золотым и красным светом, к людям опустилось небывалой красоты существо.

Оно было похоже на Жар-Птицу, только птичье блиставшее и искрившееся тело венчала голова прекрасной молодой женщины. Золотые волосы ее были убраны под причудливый головной убор, похожий на корону. У висков красовались длинные витиеватые серьги в

виде лежащих навзничь полумесяцев, а по центру высокого лба сияло украшение из ярко-синего драгоценного камня, который в точности повторял оттенок вечернего неба и переливался всеми гранями. При взгляде на собравшихся, на ее лице появилась добрая улыбка, а из изумрудных глаз заструился мягкий свет.

Это фантастическое существо, сошедшее к людям прямо с неба по просьбе старика-ведуна, смотрело прямо в глаза Даньке. Не отрываясь. Всё понимая и всё про него зная. По тому, как замерли люди в круге, как сидевшие рядом дети чуть ахнули, он понял, что она смотрит одновременно на всех и знает абсолютно всё обо всём и обо всех! Захлебнувшись от восторга и ужаса, Данька неожиданно для себя закричал что было мочи:

– К-р-р-ра-а-пи-и-ива! КРАПИВА! А-а-а-а-а! К-ра...

Глава 2

Дз-з-з-ынь! Звенел, надрывался заведенный на семь утра будильник. Данька неохотно открыл глаза. Комнату заливал солнечный свет, занавеска была сдвинута и подколота лентой с бахромой – значит, мама уже приходила к нему. В окно был виден кусочек ярко-синего неба и буйная зелень росших прямо под окнами кустов жасмина и сирени. И никакого, ну просто никакого Серого Гуги!

Оставалось совсем немного времени до окончания летних каникул – шла последняя неделя жаркого августа. Будет здорово по утрам купаться в одном из озер, ходить в лес, собирать плотные, душистые говорушки и опята, варить из них вкуснейший бульон с пенкой. «Правильно говорить – по грибы, – мысленно поправил себя Данька и проснулся окончательно, – по воду, по грибы».

Он сладко потянулся, и на лице его появилась широкая улыбка. Было просто невозможно поверить, что ночью он совершил такое диковинное путешествие. Летал, видел удивительное место и таких необычных людей. Кто они? Почему были такие грустные? И тут же сам вспомнил, как грустил вчера перед сном и не мог понять почему. Но какая же красивая и невероятная эта Птица! Каков жрец и его помощники, что по их просьбе прямо с неба прилетела ОНА!

Данька сразу загрустил, что не успел посмотреть, что же было дальше, и раздосадовался на себя за то, что дал волю эмоциям, да так глупо. А еще этот будильник, будь он неладен. Зачем вообще он его завел?

«Ах да, сегодня же приезжает Тимка с родителями», – вспомнил он. Данька выбрался из-под одеяла, переоделся, ловко заправил постель, прихватил недоеденный мёд, веточки мяты и помчался вниз по лестнице на первый этаж, где уже наверняка собралась вся его семья.

В просторной гостиной стол накрывали к завтраку. Дымилась горка румяных ноздреватых блинов на глиняной тарелке, стояла плошка со сметаной и несколько пиал с разным вареньем. Первой он увидел маму – она несла горшочек с кашей в огромных смешных ухватках-варежках. Данька подбежал к ней, быстро пролез под ее руки, получилось, что она его обнимает.

– Доброе утро, сынок, – сказала она ласково, поцеловала его в макушку и сразу добавила, – осторожно, Данька, не обожгись, каша только что из печки!

– Доброе, мамочка! А где все? – спросил, выныривая из маминых «объятий».

– Папа на улице, уже заканчивает зарядку, Любава тоже где-то во дворе. Играет с Сержантом, у них там салочки на выживание, котофей спасается от нее бегством, – она поставила на стол кашу и принялась расставлять чашки.

– По-моему, у него мало шансов, – хохотнул, утаскивая с блюда блин.

– Да куда уж там удрать от генерала Любавы какому-то Сержанту?! – поддержала его мама.

– Тогда я тоже во двор, вижу, у тебя все готово, – договорил он, на ходу жуя блин.

– Да, малыш, иди.

– Мам!

– Прости, прости! Ты – большущ, бо-о-ольшущ! И скажи всем, что у них пятнадцать минут до момента превращения доброго повара в очень... очень... очень... – тут она схватила лежавшую рядом скалку и, скорчив страшную гримасу, стала в шутку наступать на сына, – в очень злого!

– Ого! Будет сделано, шеф! – отрапортовал он, поцеловал маму в щеку и пулей выскочил во двор.

Стояла теплая, солнечная погода, которая обещала к середине дня стать настоящим пеклом. Данька увидел отца – он уже закончил свои упражнения и собирался обливаться холодной водой возле бани.

Трехлетняя Любава сидела здесь же на крылечке и пыталась повязать носовой платок как косынку на голову все-таки пойманного ею черно-белого кота Сержанта. Кот был явно измучен игрой, но сдаваться не желал, периодически пытаясь освободиться.

– Пап! Привет! – Данька с отцом, обнявшись, похлопали друг друга по плечу.

– Здравствуй, сын! Не желаешь составить мне компанию? На озеро поздно...

– Давай! – мальчик стал снимать с себя одежду.

– Здластвуй, Дайка! – его все-таки заметила сестра и, решив с ним обняться, упустила Сержанта.

– Привет-привет, Ёжинька! – Данька крепко обнял девочку. – Мама звала в дом, беги, а то ты еще вон какая лохматая.

И девчушка побежала, крутя по сторонам головой, высматривая удравшего кота. Отец трижды облил ледяной водой из ведра сначала Даньку, потом себя, затем они растерлись полотенцами и ушли завтракать. Вскоре предстояла долгая дорога в аэропорт, встреча папиных друзей и их сына Тимура и обратный путь домой.

Данька предвкушал, как сядет на пассажирское сиденье, как они поедут по широким шоссе и эстакадам, как он будет сверять встретившиеся по пути названия населенных пунктов с картой. В таких поездках Данька был самым настоящим штурманом, он обожал их и всегда ждал с нетерпением. Но теперь, кроме привычного ожидания дороги и радости от встречи, в Данькины мысли постоянно вплетались воспоминания о его чудесном сне.

Глава 3

Теперь все были в сборе, обнимались и радовались встрече, рассматривали привезенные подарки. Не было только Любавы, которая, наигравшись за день, так и не дождалась гостей и уснула. Данька давно не виделся с Тимуром – сыном Сергея и Вики, и с радостью принялся тискать его и легонько трепать по короткому ежику волос. Пятилетний Тимка объявил, что он тоже кое-что привез в качестве подарочка хозяевам и стал выкладывать из многочисленных карманов небольшие камешки – целую россыпь!

– Что это? – спросил Сергей недоуменно.

– По-моему, Сережа, пока мы ждали вылета, наш сын насобирали щебня с газона и пронес тайно в самолет, а мы и не заметили, – предположила Вика.

– Каменный гость, – заключила Данькина мама и все дружно, кроме обескураженного Тимки, который ничего не понял, рассмеялись. – Давайте садиться за стол!

Все устроились на террасе по случаю теплой погоды, на душе было легко и весело. Данькина мама заварила душистый чай из мяты, на большом столе были выложены разнообразные пирожки, испеченные накануне, баранки, конфеты и овсяное печенье.

Друзья родителей – Сергей и Вика – оба военные, много лет уже несли службу на Северном Кавказе. Каждый их визит становился настоящим праздником. Веселые, обаятельные и щедрые, они всегда привозили горы самых разных фруктов, виноградный сок, теплые нарядные вещи ручной работы. Сегодня помимо обычного набора гостинцев были сложенные друг на друга традиционные круглые пироги с начинками из мяса, картошки, сыра, свекольной ботвы.

Данька любил пироги, обожал помогать маме их готовить, особенно ему нравилось возиться с тестом – оно казалось ему живым существом, тонко чувствующим отношение к себе и настроение повара. Скорее всего, так и назвали выпечку «сдобой», потому что делают с добром, вкладывая душу, передавая через руки тепло, с почтением оставляя тесто подниматься и отдыхать после того, как вытащат из печи.

Гости рассказывали много веселых историй, делились новостями об общих знакомых, о родных – такие встречи имели обыкновение затягиваться далеко за полночь. Раньше Данька слушал их с открытым ртом и, бывало, даже засыпал прямо в гостиной под неспешный разговор взрослых. Но сегодня ему очень хотелось опять оказаться в том волшебном сне, лететь над лесом в загадочную деревню, узнать, для чего золотая птица спустилась с небес. Постоянно теряя нить истории, он лихорадочно соображал, что же такое предпринять, чтобы вернуться в сновидение.

«Должен же быть какой-то способ, – рассуждал он, – всегда есть выход. Вот папа говорит, что из каждой сложной ситуации есть минимум шесть выходов, а совсем безвыходных не бывает в принципе».

– Завтра прямо с утра идем на озёра, подъем в семь! – сказал тем временем Данькин папа. – Погода отличная, завтрак берем с собой, обед наловим на месте. Удочек хватит на всех.

Данька автоматически кивал в ответ, а сам все думал, думал... Он отхлебнул из своей чашки и стал ложечкой ловить листочек мяты, попавший ему в чай. И вдруг что-то будто ужалило его изнутри. Он сорвался с места и побежал к бане под непонимающие взгляды взрослых.

– Данька, ты куда? – спросил папа.

– Сейчас, сейчас! – бросил тот на ходу и, зайдя внутрь помещения, осторожно вытянул веточку мяты, которая сушилась здесь среди других трав.

Вернувшись на террасу, он показал ее, сообщив, что будет проводить эксперимент, о котором расскажет позже в случае успеха. И еще попросил маму положить ему немного меда в маленькую тарелочку.

Получив желаемое, он больше уже не мог заставить себя усидеть на месте и, расцеловав всех, умчался в свою комнату. Там он спешно переоделся в белую пижаму, положил на прикроватный столик мяту и мед, завел будильник. Еще раз осмотрев комнату и убедившись, что обстановка точно такая же, как и вчера перед сном, он залез под одеяло и закрыл глаза. «Нет только Гуги!» – радостно подумал он и крепко уснул.

Глава 4

Как только глаза его открылись, он возликовал от счастья. Он был в лесу! В том или нет – непонятно, но точно в лесу. Данька немного удивился, потому что вчера в момент его чудесного водворения в лес был вечер, садилось солнце, светило сквозь стволы и ветви сосен-великанов. Сейчас же был совсем поздний вечер, темно-синее небо обсыпали звезды, и откуда-то сбоку робко лился серебристый лунный свет. И самое интересное – не было никакого движения: ни ветерка, ни шороха листьев и травы – ни единого звука. Лес был неподвижен. Данька стал оглядываться по сторонам, как вдруг за одним из деревьев мелькнула тень. Страху не было, одно лишь любопытство, и мальчик пошел осторожно в ту сторону. Неожиданно снова мелькнул едва различимый силуэт у растущего рядом дерева, и из-за него показалась девочка в длинном красном платье – босая, с длинной косой и белой лентой в темных блестящих волосах. Она звонко рассмеялась и побежала вглубь леса.

– Пстой! Пстой! Куда ты? – Данька бросился в погоню.

Девочка, смеясь, быстро бежала, оборачиваясь и дразня его. Сквозь деревья Данька увидел приближавшиеся огоньки и понял, что они приближаются к деревне. Это придало ему сил, и он почти догнал девочку. Добежав до того места, откуда он вчера вышел к деревне, она сама остановилась и, повернувшись к Даньке, заговорила:

– Ты что же так голосил на круге «крапива», «крапива»? Крапивы, поди, боишься?

– Не боюсь! Другая причина есть, поважнее.

– И что же это за причина? – она подняла с земли, видимо, заранее приготовленный увесистый букет крапивы и изготовилась хлестнуть им Даньку по босым ногам. Но в последний момент решила смиростивиться. – Ладно, рассказывай!

– Все, что я вижу – это мой сон! – важничал Данька, хотя крапивы он и вправду не боялся. Они с отцом один раз ей даже хлестались. – И этот лес, и ты, и даже вся крапива здесь!

– Нет, – очень серьезно ответила девочка, – я существую взаправду. Жива-здорова вот уж сто тридцать месяцев.

– Каких еще месяцев? Сто тридцать лет?

Девочка говорила очень странно. Говор ее был настолько диковинным, что Даньке приходилось внимательно вслушиваться в ее слова.

– Одиннадцать лет, одиннадцать зим!

– Ну, значит, почти ровесники. Мне исполнилось двенадцать, – заявил он со значением и подсчитал в уме, – по-твоему, сто сорок четыре месяца.

– Дббро, – ответила девочка и поклонилась ему, положив руку на сердце. Вышло очень трогательно и почему-то торжественно.

– Зовут меня Данила, можно Данька. А тебя как зовут?

– Нарекли Ясна. А кличут Ясею, Ясенкой.

– И как же называется это место, Ясенка?

– Кружкй – весело отвечала девочка, – здесь недалече три озерца круглых, потому так и говорят.

– Знаю я эти озера! – сказал Данька. – Там, откуда я появился, они тоже есть. Расскажи, что тут происходило? Что я видел? Круг, люди, волшебная птица!

– Случилось так, что в деревню нашу пришла беда. Всю жизнь и мы, и предки наши трудились на благо Земли-Матушки и во славу рода своего. Никого не обидели, напраслину не возводили, худого не думали. А вот в один из дней напала на всех жителей тоска-кручина. В такую трудную годину вызывает старец наш почтенный к светлым небесным покровителям и просит явиться к нам Птицу Гамаюн. В лихой час она советом поможет да поведает, как жить

не тужить. Где правда, где кривда. Путь укажет. И вот настало окаянное времечко – горюем, и нет с этим сладу! Болеет люд наш, руки опускаются, ничего не радуется.

– Но ты вон как смеялась! – усомнился Данька.

– Мы чада, Данька, души светлые, еще с небом напрямую связанные, потому хоть и задевает нас сила недобрая, но не так как взрослых. Иногда и весело становится, и радостно, аж сердце заходится. Как сейчас, когда ты крапиву призывал.

– Так это сейчас всё было?! – не поверил он.

– А то когда же? Только Гамаюн опустилась с неба, ты закричал и как в лес сиганул! – Ясна тряхнула головой, так, что коса ее описала дугу в воздухе. – А я за тобой. Я время могу остановить, правда, ненадолго, но хватило.

– Ничего себе – время останавливать! – поразился Данька. – А еще что можешь?

– Дождь могу уговорить не проливаться или, наоборот, хлынуть, и солнышко позвать. У Доброслова я в обучении, – ответила она.

– Это еще кто? – нахмурился Данька.

– Так ты видел его, ведун наш, старец, что призывал к нам вестницу с небес.

– Расскажи о ней, об этой птице, как, ты сказала, ее называют – Гамаюн? – заинтересовался он.

– Да ты сейчас все сам узришь! Гамаюн... Самое главное запомни: птица сия ответ знает всякий, утешить может, так что ты не зевай, если есть у тебя сомнение аль тревожит что, так ты про себя этот вопрос тверди-повторяй, она и ответит, и приголубит. Бежим скорее, время сейчас воротиться, – девочка схватила его за руку, и они стремглав побежали вдоль домов по уже знакомой ему дороге.

В деревне все сидели на тех же местах, как будто Данька и не возвращался к себе домой, не встречал Тимку с родителями, не пил на веранде чай. Только все вокруг было неподвижно. Когда они с Ясенкой уселись на бревна, она достала из маленькой сумочки, висевшей на ее поясе, веретено с красной нитью и легонько раскрутила его, что-то тихонько приговаривая.

Тут же мир вокруг пришел в движение, вернулись запахи и звуки. Птица расправила свои волшебные крылья, и стало светло, как белым днем. К ведуну Доброслову поднесли гусли, и он несколько раз провел своими длинными пальцами по струнам, извлекая мелодичный, неожиданно мощный звук, который разнесся по всей округе. Старец стал наигрывать неспешную мелодию и, пока все с интересом взирали на Птицу-Гамаюн, медленно и со значением заговорил, словно рассказывая сказку:

*Снизошла на Землю, прямо с облаков
Чудо-птица Гамаюн – дочь богов.
Сказ волшебный ворожит, потешит,
Каждого коснется, каждого утешит.*

*Собрался честной народ – вот так диво!
Птица бьет крылами и речёт ретиво.
Всяку тайну, всяк ответ птица знает,
Добрым людям в трудный час помогает.*

*Смотрит Птица-Гамаюн добрыми очами,
Малые да старые гостю привечают.
До пера дотронутся, тают, млеют души,
Кто грустил еще вчера, тот не тужит.*

Данька смотрел во все глаза, и ему так и хотелось расспросить свою новую знакомую о том, что же тут происходит, но, едва повернув голову в ее сторону, увидел, как она отрицательно покачала головой, а потом кивнула в сторону круга. Ведун продолжал играть, а птица вдруг заговорила человеческим голосом, и слова получались тягучими, разносились эхом:

*Русичи, вы, русичи – славный род земной!
Золотые песни я несу с собой!
Только я услышу ваш тревожный зов,
Как спускаюсь с неба волею богов.*

Это было настолько невероятно, что сначала Данька даже не разобрал слов, будто Гамаюн вещала на каком-то незнакомом языке. Лишь по интонации он понял, что это приветствие. Птица-Гамаюн продолжала петь:

*К божьим внушкам на подмогу,
Правды светлой указать путь-дорогу.
Жить в любви научить да по совести,
Ключевой водою смыть страхи-горести.*

Данька немного пришел в себя и стал, наконец, понимать смысл слов. Значит, все правильно говорила Ясенка: люди грустили и страдали от неведомо откуда пришедшей тоски. Ему это было знакомо – еще вчера он и сам мучился от этой нахлынувшей на него напасти. И вот Доброслов собрал всех жителей деревни и стал звать на помощь Гамаюн, а он, Данька, стал всему очевидцем.

«Стоп! – подумал он. – Получается, что я попал сюда именно из-за того, что тоска в виде Серого Гуги напала и на меня в тот вечер. Мне нужна была помощь, и вот так я ее получил».

Он уже понял, что это не его сон, как он думал сначала, а просто какая-то другая жизнь, параллельная. Слишком уж много было вокруг деталей, которые просто невозможно придумать подсознанию и тем более не повторять это, словно вторую серию фильма.

«Ух-ты! Сказка? Но уж слишком реальная. А если это далекое-предалекое прошлое, то слишком сказочное. Надо все выпытать у Ясны!»

Он украдкой посмотрел на девочку, которая была полностью поглощена происходящим, и улыбнулся. Гамаюн продолжала свою песнь, взмахивая золотыми крыльями, и за ними вслед летели переливающиеся разноцветные искры:

*Подарить на жизнь благую береги,
Защитить от бед сейчас и во веки.
Морок пусть над вами да рассеется,
А сердца и души счастьем греются.*

И тут Данька почувствовал уже знакомое чувство нарастающей тревоги и сразу понял, что надо просыпаться. Теперь он легко справился с желанием немедленно закричать и окликнул девочку.

– Не кручинься, встретимся завтра на том же месте. Там, где я страдала тебя крапивой, – очень спокойно, даже ободряюще сказала она. – Ничего не упустишь, ни словечка единого, обещаю.

– Кр-р-рапива! – завопил Данька и последнее, что увидел перед тем, как проснуться, было маленькое веретено с красными нитями, которое раскручивалось в руках у Ясенки.

Глава 5

Данька проснулся отдохнувшим и счастливым. Солнце светило уже очень высоко, настойчиво заглядывая в окно, и было очевидно, что он здорово проспал. Папа что-то говорил, кажется, про рыбалку, что все вместе отправятся на озера и выход в семь часов. Он бросил взгляд на свой будильник – так и есть, проспал безнадежно! Было уже больше десяти часов утра. Тут он увидел записку, написанную рукой мамы, ее красивым уверенным почерком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.